

Заколка, призывающая лунный свет: Сон Вэнь Бо в Лунном дворце

Маньтинфан: Вселенная внутри картины

В чернильнице туман, на кончике кисти — зелень,

Внезапно явились мириады призрачных миров.

Сдвинуть горы, осушить моря —

Все образы вошли в пределы полотна.

Две тени, рука мастера,

Где каждый мазок — весенний облик.

Взгляни: облачные терема и лунные беседки

Собрались в пучке цветных волос.

Чувства глубоки. Взмах кисти —

И Млечный Путь хлынул вспять, переместились дворцы в чертогах небожителей.

Добавилось пение иволг, танец ласточек и благоуханный ветер.

С улыбкой указуя на клубящиеся облака:

Оказалось, это переплелись наши сердца.

Отныне и впредь — в мире людей и в мире бессмертных —

Мы вместе будем любоваться радугой на расписной ширме.

В то утро на Стене запечатленных звуков в Беседке Небесных Звуков внезапно проступили узоры туши. Вэнь Бо, набрав кистью мелодию, стекавшую со стены, слегка коснулся пустоты, и та вдруг расцвела движущейся Картиной весеннего рассвета в Лунном дворце.

— Звук может превращаться в живопись? — Чанъэ с изумлением заметила, что траектория падающих лепестков на картине в точности повторяет вчерашнее исполнение Песни опавших цветов.

Желая докопаться до истины, они отправились в Беседку Четырех Времен Года в Павильоне Ланьюань. Вэнь Бо взял Иглу Латания Небес, обмакнул ее в воду озера Яогуан и провел по рисовой бумаге. Там, где пролегла влажная линия, проступил звездный челн, на котором они впервые встретились, — даже потоки световых частиц данных внутри каюты были отчетливо видны.

— Это Воплощение воспоминаний! — воскликнула Сычэнь, прижимая к груди древние свитки

Лунного дворца. — Великий святой живописи древности У Даоцзы некогда использовал тоску как тушь, чтобы запечатлеть великолепие Танца радужных одежд.

Вдохновленный этим, Вэнь Бо воздвиг на Островке Парящей Луны Террасу Живописного Мира. Поверхность ее была выточена из камня Ньювы — Чернильницей Десяти Тысяч Образов, а кистью служила Кисть Семи Светил, выплавленная из звезд Большой Медведицы. Краски же были особенными: алый цвет утренней зари, серебро звездного сияния, чистота лунного света — все это можно было брать по желанию.

При первой же пробе Вэнь Бо нарисовал лотосы на одном стебле. Едва кончик кисти оторвался от бумаги, как цветы, плавно покачиваясь, поднялись из картины и пустили корни на берегу озера Яогуан. Что было еще удивительнее, так это то, что каждый раз, когда пара проходила мимо, лотосы раскрывали новые сцены, запечатлевая моменты их нежности.

Увидев это, Чанъэ тоже взяла кисть и нарисовала дымок над родным домом Вэнь Бо. Когда она дошла до старой софоры во дворе матери, тени дерева вдруг затрепетали, а листья превратились в письма и полетели в мир людей.

В тот день праздновали день рождения Ванму, и небожители собрались у Яочи. Вэнь Бо и Чанъэ экспромтом создали Картину пиршества с персиками бессмертия. Едва они дошли до девятых небес, как весь свиток внезапно ожил. Персики на картине созрели сами собой, журавли закружились в танце, и даже снежные лотосы с горы Куньлунь расцвели на берегу Яочи.

— Какая дивная вселенная внутри картины! — Тайшан Лао-цзюнь слегка взмахнул метелкой, и старец с картины вышел из свитка, чтобы вести беседы о сокровенном со своим подлинником.

Вдохновленный такой честью, Лунный дворец охватила страсть к живописи. Ваншу научилась рисовать поющий Бамбук чудесных звуков, Су Э прославилась умением изображать танцующие Облака радужных одежд, а Сычэнь создала Ширму четырех времен года, меняющуюся в зависимости от сезона. Даже У Ган, не имея учителей, нарисовал Картину коричневого дерева, которое само себя рубило.

Чтобы передать мастерство живописи, Вэнь Бо открыл в Резиденции Звезд и Луны Беседку Творения. Он учил Чанъэ вкладывать чувства в рисунок: когда на душе тоска — мазки становятся тягучими, когда радость — краски светлыми, а редкий гнев превращается на полотне в стремительные порывы ветра и проливные дожди, обретая особую прелесть.

Однажды они вместе работали над Свитком Млечного пути в седьмой день седьмой луны. Когда они дошли до встречи на мосту из сорок, кончик кисти внезапно озарился золотым светом. Весь Млечный Путь хлынул из картины, воссоздав в небе над Лунным дворцом сцену встречи Пастуха и Ткачихи.

— Почему бы не позволить им быть вместе всегда? — Чанъэ, движимая порывом, добавила на картину радужный мост, который никогда не исчезал.

С тех пор влюбленные из трех миров могли встречаться, переходя по радужному мосту из картины. Ткачиха в благодарность соткала десять тысяч кусков облачной парчи, на каждом из которых был вышит портрет Вэнь Бо и Чаньэ.

Самым чудесным стало Двойное сердце. В ту ночь Вэнь Бо, взяв Чаньэ за руку, вместе рисовал Картину до седых волос. Когда Кольцо Клятвы и Нефритовое кольцо Единства Сердец одновременно оставили отпечатки на полотне, вся картина внезапно стала объемной. Пара на ней прошла путь от черных волос до седины, и каждый кадр был предсказанием их будущих лет.

— Оказывается, мы можем так состариться вместе, — Чаньэ нежно коснулась своего пожилого образа на картине, и глаза ее наполнились слезами.

Весть дошла до мира людей, и бесчисленные художники устремились сюда на поклонение. Вэнь Бо установил на берегу озера Яогуан Кисть Оживляющего Взгляда, и каждый, кто имел к тому предрасположенность, мог с ее помощью наделить свои работы временной жизнью. Не прошло и месяца, как в Лунном дворце повсюду можно было увидеть говорящих птиц и цветы, танцующие горы и воды, беседки, способные играть музыку.

В праздник Двойной девятки Вэнь Бо закончил картину За пределами девяти небес. Когда лег девятый мазок, сказочная страна на картине отделилась от бумаги и образовала рядом с Лунным дворцом настоящие Небеса внутри картины. Там было все, о чем они мечтали: весна, которая никогда не увядает, свободно парящие мифические птицы и возможность в любой момент взглянуть на земную жизнь.

Чаньэ посадила в Небесах внутри картины дерево тоски, а Вэнь Бо построил дом для двоих. Когда ночной ветер коснулся бумажного полотна, вся картина За пределами девяти небес медленно поднялась в воздух и превратилась в девятый небесный чертог, вечно озаряющий три мира.

— Отныне каждая влюбленная пара сможет найти свой рай в Небесах внутри картины, — Вэнь Бо взял Чаньэ за руку, и они шагнули в картину.

Луна там была особенно полной, и под ее светом две тени слились воедино, ибо сказано: В дымке тумана — дивные смыслы, в объятиях кисти — вечная верность влюбленных.

(Конец девятой главы)

<http://bllate.org/book/18930/1852322>